

4. Marschall G. R. Überlegungen zum nachgestellten Adjektiv im Deutschen / G.R. Marschall // Valentin, Paul (Hrsg.): Rechts von N. Untersuchungen zur Nominalgruppe im Deutschen. Tübingen: Gunter Narr Verlag (= Eurogermanistik 1), 1992. – S. 7-82.

**ATTRIBUTIVE REDUCED ADJECTIVE IN POSTPOSITION
(BASED ON THE NEW HIGH GERMAN POETRY)**

P.Ye. Kartashova

Tver State University, Tver

This publication analyses the attributive group with the postpositional reduced adjective based on the New High German poetry, there are assumptions about the causes of this use and its development in the modern language. All the propositions are supported by examples from the works of German-speaking authors of the considered periods.

Key words: *reduced attributive adjective, postposition of attribute, syntactic variation of German, New High German poetry, inversion.*

Об авторе:

КАРТАШОВА Полина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: polikart@mail.ru

УДК 81

**АГРЕССИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПРЕССИЯ
И ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ
ПОД ВЛИЯНИЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ**

Е.А. Каргушина

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина, Москва

В статье рассматривается понятие агрессивной языковой экспрессии в противовес речевой агрессии. Также затрагиваются факторы, прямо или косвенно влияющие на изменение языковой нормы. К таким факторам можно отнести дихотомию «свой» - «чужой», идеологические факторы и ряд других.

Ключевые слова: *языковая экспрессия, языковая норма, языковая вариативность, функционирование языка, русский язык в Финляндии.*

Язык, попадая за пределы территории, где он не является титульным и/или национальным, язык, в силу взаимодействия факторов национального и глобального характера, обретает отличительные особенности, которые

делают его непохожим от того языка, который существует «в естественной среде его обитания». При этом, под действием переплетения формирующих бинарную оппозицию факторов «глобального» и «локального», язык на одной экстраполированной территории будет отличным от того же самого языка на другой экстраполированной территории. Это инварианты, и они не являются полностью тождественными друг другу.

Однако нельзя не заметить, что соотечественники, живущие за рубежом, более привержены литературной норме, в то время как в нашей повседневной речи мы часто видим и отмечаем пренебрежение ею. Об этом, в частности, отмечается в работе М.Кронгауза [Кронгауз 2013], А.В. Кирилиной [Кирилина 2011].

Приверженность норме среди соотечественников, проживающих за рубежом, имеет под собой причины социально-психологического характера. Это и погружение в иную языковую среду, и стремление к идентичности. Неслучайно в связи с этим использование в речи архаизмов и историзмов (дефолт, перестройка, плюрализм мнений).

Кроме того, приверженность языковой норме русского языка среди соотечественников, проживающих за рубежом, является следствием стирания диалектных различий. Изучение иностранного языка, его большое и частотное использование накладывает отпечаток и на использование родного языка. В силу действия явлений интерференции в речи соотечественников, проживающих за рубежом, в частности, в Финляндии, можно слышать калькированные синтаксические конструкции, характерные для финского языка.

На лексическом уровне можно наблюдать вкрапление из финских слов. Как правило, эта лексика относится к реалиям финской жизни. Иногда данные лексемы транслитерируются.

- Моему ребенку уже три года, но я не хочу его отдавать на perhekerko

- Мы с ней как-то встречались в лейкитуйсто (площадка для игры и группа продленного дня, где в теплое время дают бесплатные обеды).

- Моя йохтая сегодня была злая и никак не хотела отпускать пораньше.

В отдельных случаях, даже если имеется эквивалент в русском языке, но лексема касается обозначения реалии, повседневного устройства или вопроса регистрации и/или работы. Так, например, русский, проживающий в Финляндии, скорее скажет oleskelulupa, чем разрешение на работу.

Это позволяет говорить о двух противоборствующих тенденциях в отношении русского языка за рубежом. С одной стороны, эта тенденция к пиджинизации – образования некоторого промежуточного варианта на основе русского и финского языков, а с другой – стремление к соблюдению языковой нормы.

Рассмотрим диалог на форуме между русскими, проживающими в

Финляндии, и жителем Санкт-Петербурга (приводится полностью, по данным форума Russian.fi, дата обращения 19 мая 2016 г.)

- Здравствуйте, хотел бы пообщаться с людьми, которые занимаются бизнесом в Финляндии или пытались заниматься.

- Интересно, найдутся ли такие, кто захочет с Вами пообщаться

- А почему не найдутся, здесь бизнесмены не ходят что ли вообще? Я просто хочу открыть фирму в Финке, сам из Питера. Хочу поспрашивать, что да как.

- Бизнесменов у нас много, но вряд ли кто-то захочет рассказывать все азы, от А до Я. Вы задавайте конкретные вопросы – это мой Вам совет.

- По вопросам обычно сразу понятно, на каком этапе развития, собственно, идея. Если на нулевом, то конечно, никто не начнет тут распинаться

- Если Вашей целью является получение вида на жительство в Финляндии, то уточните, как с этим сейчас обстоят дела. Говорят, что сейчас даже при наличии действующей фирмы его, практически, не получить. Моим знакомым, во всяком случае, так объяснил юрист.

- Можно купить готовую фирму за 100 Евро, что-то я дешевле 3000 пока не встречал.

- А дельные советы есть? А у тебя какая фирма в Финляндии? Смотрю ты шариишь в этом вопросе.

- А с чего это перешли на "ты"?

- Мда, как говорил здесь один гость – больше вопросов не имею.

- Спасибо, за помощь.

В данном примере мы видим столкновение двух противоречивых тенденций – вежливость со стороны русских соотечественников, проживающих в Финляндии, и – речь более низкого регистра со стороны посетителя форума, жителя Санкт-Петербурга.

Среди исследователей можно встретить высказывание о вульгаризации, агрессивности лексики. Справедливости ради стоит отметить, что эта тенденция характерна не только для эпохи глобализации. Среди работ, относящихся к времени последнего десятилетия XX века, можно встретить обеспокоенность лингвистов отсутствием цензуры, либерализации языка, его вульгаризации. Это было вызвано прежде всего социально-политическими изменениями, происходящими в стране. Снятие цензуры, многократное увеличение количества текстов – как устных, так и письменных – привело к устранению барьера литературной нормы.

В данной работе мы упомянули о вульгаризации и агрессивности, но стоит отметить, что среди лингвистов нет единодушия в отношении термина. Речь идет, скорее, об описании тенденции – вульгаризация, языковая агрессия. Наиболее точным нам видится описание этой тенденции как «агрессивная языковая экспрессия».

С нашей точки зрения, агрессивность коммуникации сложно поддается объективному лингвистическому анализу, поскольку сам термин «агрессия» – это термин других гуманитарных наук (психологии, социологии, дипломатии), и, хотя его экстраполяция и не представляется не невозможной (например, в целях лингвистической экспертизы), на данном этапе нам пока не встретилось четкого его определения и методики анализа.

Напротив, термин «языковая экспрессия», равно, как и методика его выявления, хорошо разработан в трудах отечественных лингвистов и понимается как усиление, выделение, акцентирование высказывания, отступление от речевого стандарта, нормы, выражение чувств, эмоций и настроений, наделение высказывания со стороны адресанта коммуникативного сообщения эмоциональной силой, оценивание, достижение образности и создание эстетического эффекта, в то время как со стороны реципиента сообщения это – удержание и усиление внимания, повышение рефлексии, возникновение эмоций и чувств [Костомаров 1997]

По словам В.Г. Костомарова, основными функциями экспрессии являются: информационно-содержательная функция, функция убеждения, воздействия.

Агрессивная языковая экспрессия нами понимается как частный вид языковой экспрессии, для которого характерно отступление от речевой нормы в сторону заниженного регистра, выражение недоброжелательных или даже враждебных чувств, высказывание отрицательной оценки к явлению, действию или предмету. Прибегая к агрессивной языковой экспрессии, целью отправителя сообщения, как правило, является высказать неодобрение и/или продемонстрировать силу, стремление к доминированию в коммуникации, а в ряде случаев – стремление призвать реципиента сообщения к повиновению, выполнению определенного действия (хотя данная цель может отсутствовать вовсе или являться второстепенной). Подтверждение такого видения агрессивной языковой экспрессии может основываться на работе Н. И. Формановской, отмечавшей, что агрессия предстает как поведение и действие. Поведение и действия при этом разрушительные, деструктивные, демонстрирующие превосходство силы, нарушающие физическую и психическую целостность другого: агрессивность трактуется как качество человека и его отношения к другим, при этом называются негативные оценки и чувства [Формановская 2007: 98].

Агрессивная языковая экспрессия и – связанное с этим, но не тождественное этому – снижение литературной нормы не возникают спонтанно и, как правило, имеют под собой определенные предпосылки. Агрессивная языковая экспрессия является крайним случаем нарушения языковой нормы.

Однако, агрессивная языковая экспрессия не является линейной и целенаправленной тенденцией. Как правило, этому действию есть и другое

противодействие.

Подтверждение этому тезису вновь находим в трудах Н.И. Формановской. Опираясь на идеи немецкого философа Конрада Лоренца, исследователь отмечает: «в человеческой вежливости очень много от позы покорности.

«В категории вежливости равно много вербальных и невербальных проявлений, однако в данном случае лишь констатируем факт, что вежливость является одним из механизмов снятия повседневной бытовой и деловой агрессивности, поскольку продемонстрировать вышестоящему или равному свою «покорность» или лишь имитировать подобное отношение, надев на себя вежливость-маску, - это умиротворить агрессивные поползновения партнера по общению. Есть множество примеров, когда уместно произнесенные извинения или благодарность, иные речевые проявления, насилие агрессивный порыв партнера; напротив, неисполнение ритуалов вежливости приводило к коммуникативному конфликту, неисполнение ритуалов вежливости приводило к коммуникативному конфликту»

Именно эта тенденция к вежливости, использованию речевого этикета является противодействием агрессивному речевому поведению. Использование агрессии в ответ на агрессию – это симметричный ответ, в то время, как использование вежливости – это не симметричный ответ и способствует диалогу, является проявлением толерантности. Например, очевидно, что сейчас в электронных письмах мы чаще используем написание *Вы* с большой буквы.

В этом противодействии и лежит основа само регуляции языковой системы, самосохранение языковой нормы.

В данном случае мы сталкиваемся с другой формой стандартизации и языковой нормы. Речь идет о стандартизации текста. Если раньше количество статей и текстов было не таким многочисленным, то с увеличением степени виртуализации коммуникации, количество текстов увеличилось. Следовательно, все больше идет тенденция к соблюдению норм стиля текста. Любая операционная система сразу предлагает шаблоны текста – блога, делового письма, заметки, составление списка. В интернете, если вы хотите написать комментарий, сразу нужно определиться – сколько слов вы хотите написать, и будет ли это репликой в общую дискуссию или ответ участнику дискуссии. Эти стандарты являются фиксированными и их очень сложно изменить. Если, например, в жанре комментария вы захотите создать запись блога, то, скорее всего, вас перенаправят на другую страницу сайта.

Самая строгая норма в орфографии также содержится и в языках программирования. При написании команды, если вы ошибетесь хоть на одну букву, компьютер подаст звуковой сигнал.

Как мы видим, при снятии определенных табу в языковой системе,

возникают новые табу. Система табу имманентно присуща обществу, поскольку способствует регуляции социальной системы. При снятии новых табу непременно возникают новые.

Этот вывод можно сделать и в отношении языковой нормы – будучи подверженной вариативности, в языке как системе, связанной с культурой и ценностями, содержится определенный механизм само регуляции – при отмене одного правила возникают другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилина А.В. Некоторые признаки проникновения английского языка в функциональное пространство русского / А.В. Кирилина // Современные лингвистические парадигмы: фундаментальные и прикладные аспекты: Сб. научн. ст. по материалам Третьих чтений памяти Ольги Николаевны Селиверстовой (17 октября 2008г) – М.: МГПУ, 2009. – С.92-110.
2. Костомаров В.Г. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – №1. – С.73-76.
3. Кронгауз М. А. Новые слова и новые значения: механизмы возникновения / М.А. Кронгауз // Жизнь языка: памяти М.В. Панова / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Коленчук. – М.: Языки славян. культур, Знак, 2007. – С. 301-307.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак, Языки славянских культур, 2008. – 229 с.
5. Формановская Н.И. Вежливость и толерантность как коммуникативные механизмы снижения речевой агрессии // Н.И. Формановская. Избранные статьи разных лет (юбилейный сборник). – М., 2007. – С. 96-107.

AGGRESSIVE SPEECH EXPRESSION AND STANDARD SPEECH VARIATION DEPENDING ON SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT

E.A. Kartushina

Pushkin Russian Language Institute, Moscow

The article dwells on the notion of aggressive speech expression while juxtaposing it to the notion of speech aggression. The author also touches upon the factors that give an impetus to standard language variation. Among such factors can be “us-them” dichotomy, some ideological factors and others.

Key words: *language expression, standard language, language variation, language use, the Russian language in Finland.*

Об авторе:

КАРТУШИНА Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина, *e-mail*: eakartushina@pushkin. nstitute